

ИСТОРИЯ

УДК 94(470) «16/18»

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫСЛОВ И РЕМЕСЕЛ В ДАГЕСТАНЕ В XVIII – НАЧ. XIX ВВ.

(Статья написана при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации. Соглашение 14.В37.21.0965)

Гасанов М.Р.

Дагестанский государственный педагогический университет, Махачкала

rabadan.sultanbekoff@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе различных источников, обширной историко-этнографической литературы, архивного и полевого материала освещается вопрос о формах организации промыслов и ремесел в Дагестане в XVIII – нач. XIX вв. Автором отмечено, что особенностью организации форм и промыслов в Дагестане был универсализм, разделение труда шло между основными отраслями промыслов. Во второй половине XIX в. некоторые отрасли промыслов в крае достигли уровня раздаточной рассеянной или разноставной мануфактуры. Различные отрасли промыслов и ремесел вызвали различные типы объединений. Основными центрами промыслов и ремесел были Дербент, Кубачи, Кумух, Харбук, Гоцатль, Унцукуль, Балхар, Сулевкент, Джули, Испик, Цанак и др.

Summary. On the basis of different sources, extensive historical and ethnographic literature, archival and field data the author of the article highlights the issue of the organization forms of trades and crafts in Dagestan in the 18th – the beginning of the 19th cc. He notes that universalism was a characteristic feature of the trades and crafts in Dagestan. The division of labour was between the main branches of crafts. In the second half of the 19th century some branches of crafts in the region reached the level of transferable, dispersed or diversified manufactory. Various branches of crafts caused the emergence of various types of associations. The main centres of trades and crafts were Derbent, Kubachi, Kumukh, Kharbuk, Gotsatl, Untsukul, Balkhar, Sulevkent, Dzhuli, Ispik, Tsanak, etc.

Ключевые слова: промыслы, ремесла, профессиональные объединения, корпорации, специализация, рассеянная мануфактура, бурочное, оружейное и кузнечное дело, гончарное дело, ковроткачество.

Keywords: trades, crafts, professional associations, corporations, specialization, dispersed manufactory, production of the felt cloak, weaponry and blacksmithing, pottery, carpet weaving.

Одной из актуальных проблем истории Дагестана является вопрос о формах организации промыслов и ремесел в XVIII – нач. XIX вв. Данная тема затронута в трудах отдельных исследователей (Народные художественные промыслы..., 2009. С. 5).

Сравнительно-исторический и системно – структурный методы анализа имеющихся материалов позволяют глубже раскрыть и выявить своеобразие организации промыслов и ремесел в Дагестане.

Состояние промыслов, их масштабы, уделенный вес в хозяйстве во многом определялись главными отраслями – земледелием и скотоводством, их состоянием и жизнеобеспечивающими возможностями.

Земледельческо-скотоводческое хозяйство равнины Дагестана, во-первых, практически полностью занимало имеющиеся ресурсы рабочей силы; во-вторых обеспечивало население основными продуктами питания – хлебом, и в количестве достаточном не только для собственного

потребления, но и для обмена на животноводческие продукты и другие необходимые предметы – орудия труда, шерсть, ткани, оружие, украшения, фрукты и т. д.

На равнине нерабочий период был короток, занятость земледелием и скотоводством была почти непрерывна. Все это послужило причиной того, что промыслы здесь не получили особого развития, были незначительны.

Промыслы на равнине носили в основном потребительский характер. В отличие от горной зоны, промысел на равнине исключительно женский.

Продукция промыслов на равнине не служила для жителей такой важной статьей обмена и дохода как в горной части.

Промыслы на равнине вплоть до конца XIX в. были именно «домашними», потребительскими, и не составляли одну из статей жизненного дохода, как это было в нагорной части.

Говоря об организации промыслов и ремесел в Дагестане в XVIII – нач.XIX вв. следует отметить, что признаки объединений лиц занятых в производстве различных изделий прослежены в древнейший период, а также в эпоху Кавказской Албании и в раннем средневековье.

Первоначальные формы объединений лиц занятых производством промыслов и ремесел в Дагестане были разнообразными в зависимости от изготавливаемого вида производства.

Уже в эпоху бронзы, как отмечает М.Г. Гаджиев, металлопроизводство, гончарное дело, обработка камня и некоторые другие отрасли древних производств довольно рано переросли из домашних промыслов в самостоятельные отрасли экономики (*Гаджиев М.Г.*, 1991. С. 213–214).

Исследования О.М. Давудова показали, что уже в албанскую эпоху «сложность, специфика и трудоемкость ряда ремесел требовали участия в производстве помимо мастеров и других лиц – учеников, подмастерьев и подсобных рабочих» (*Давудов О.М.*, 1996. С. 293).

Как считает М.С. Гаджиев, в Албании изготавливали изделия «не только на заказ, но и на рынок, т.е. указывает на существование и развитие мелкотоварного производства» (*Гаджиев М.С.*, 2002. С.179).

«Относительно высокий уровень развития ремесла в раннесредневековом Дагестане, – пишет М.М. Маммаев, – характеризуется складыванием в его отдельных отраслях профессиональных объединений и корпораций» (*Маммаев М.М.*, 1989. С. 47).

Специально исследовавший вопросы экономического развития Дагестана в X–XIV вв. А.Р. Шихсаидов пишет, что «происходит постоянное развитие ремесленного производства на базе наблюдаемого еще в раннем средневековье отделения ремесла от земледелия» (*Шихсаидов А.Р.*, 1975. С. 44).

И далее: «Изучение ремесленного производства в Дагестане (имеется ввиду в X–XIV вв. – Авт.) показывает, что кузнечное и меднолитейное дело, строительство и в ряде случаев гончарство, изготовление вооружения и обработка камня выступают как отдельные специализированные отрасли ремесленного производства. Весьма важным является процесс специализации отдельных аулов на производстве той или иной продукции» (*Шихсаидов А.Р.*, 1975. С. 44).

Безусловно, развитие этих видов промыслов и ремесел еще в тот период требовало организации их производства. Существовали своеобразные объединения, корпорации, сообщества лиц занятых в изготовлении различных изделий. Следует иметь ввиду, что «горная керамическая посуда, оружие, орудия, бурки и пр. имели общедагестанское значение и хождение» (*Османов М.-З.О.*, 1996. С. 183).

В XVII–XVIII вв. в Закавказье корпорации ремесленников и купцов назывались «аснафами» и «табунами». Эти оба термина по содержанию соответствовали термину «амкар», распространенному повсюду на Востоке.

Поскольку для характеристики форм организации состояния промыслов и ремесел в Дагестане в XVIII – начале XIX вв. мы располагаем крайне скудными историческими сведениями, при изучении данного вопроса приходится в основном использовать полевой историко-этнографический материал и данные поздних источников.

Характерной особенностью организации форм промыслов в Дагестане был универсализм. Кузнец, ткачиха, плотник, кожевник, каменщик и др. – вот те специалисты, которые были представлены в Дагестане. И разделение труда шло между основными отраслями промыслов. Отсутствие источников, статистических данных о промыслах в Дагестане XVIII – начале XIX вв. не позволяет проследить эволюцию разделения труда. То же самое можно сказать и в отношении форм организации производства. Организационная расплывчатость, необязательность для всех лиц занятых в производстве промыслов и ремесел находиться в одной мастерской, видимо, были характерны организации дагестанских промыслов. Касаясь вопроса форм организации промыслов

в Дагестане в XVIII – начале XIX вв. необходимо иметь в виду, что во второй половине XIX в. некоторые отрасли промыслов в крае достигли уровня раздаточной, рассеянной или разносоставной мануфактуры (*Нахиунов И.Р.*, 1956. С. 94).

Рассеянная мануфактура отличалась тем, что здесь различные лица исполняли не последовательные операции по переработке сырья в продукт, а производили отдельные части его, собираемые затем вместе. Эта форма организации мануфактурного производства не вызывала необходимости работы членов в одной мастерской (*Нахиунов И.Р.*, 1956. С. 94). Рассеянные мануфактуры зародились, как полагают, в ремесленных центрах Дагестана уже во второй половине XVIII в.

Само собой разумеется, что лишь на основании устных преданий трудно судить о характере образования объединений лиц занятых в изготовлении промыслов. Но несомненно, что они гораздо древнее сведений, которые хотя косвенно констатируют их существование. Надо иметь в виду, что формы объединений сложились не одно столетие. В этой связи большой интерес представляют данные автора XVIII в. Э.Челеби, писавшего о том, что в Дагестане «часто встречаются мануфактурные предприятия – в Тарках, Эндери, Кубачи и др. Под мануфактурными предприятиями, видимо, подразумевались объединения лиц занятых в изготовлении промыслов и ремесел». О ремесленных мастерских Дагестана писали и европейские путешественники – Олеарий, Стрейс и др.

Отмеченные в начале XVIII в. И.-Г. Гербером «фабрики», «мануфактуры» в Дербенте, в дагестанских ремесленных центрах, следует полагать, были мастерскими. Поскольку ремесленные организации сложились не одно столетие, сведения сообщаемые И.-Г. Гербером представляют определенный интерес.

Безусловно, когда мы говорим о ремесленных объединениях в Дагестане следует иметь в виду, что уровень развития ремесленного производства и характер его организации был различным и своеобразным. Своеобразие этих объединений заключалось в том, что их оформление отставало от общего развития ремесленного производства.

В более развитых ремесленных центрах Дагестана форма организации ремесленного производства была совсем иной чем во многих других аулах.

Как и в г. Дербенте, так и в некоторых крупных населенных пунктах, ремесленники той или иной специальности располагались по кварталам и по роду занятий. Кварталы, тухумы имели определенные прозвища связанные с занятием ремесленного производства. С кузнечным ремеслом связывали названия кварталов и тухумов: в сел. Капир (Курахского района) один из кварталов называется «Чхатун мягъле» (т.е. кузнечный квартал), где жили потомственные мастера – кузнецы. В сел. Муги (Акушинский район) был известен тухум кьудихъали («стучащие»), где кузнечное дело передавалось по наследству (*Шихсаидов А.Р.*, 1975. С. 49).

Расселение производителей изделий в кварталах по роду занятий было вызвано, по-видимому, необходимостью коллективной охраны прав их. Ручная, примитивная техника требовала коллективных усилий при выполнении трудоемких работ.

Различные отрасли ремесел вызвали (породили) различные типы (формы) объединений.

Следует полагать, что древние традиции развития металлообрабатывающих промыслов, которые имели место в Дагестане способствовали раннему возникновению объединений из лиц занятых в этой отрасли. Происходило кооперирование труда по узкой специальности. Кооперировались: кузнец, делавший клинок, мастер изготовлявший ножны, рукоятки и наконечники, гравировщик, выполнявший художественную отделку оружия. Отделка рукоятей, наконечников ножен с применением серебра, золочения, черни и т.д. – все это требовало труда ряда мастеров.

Касаясь занятий жителей Харбука и Кубачи, где обработка металла, изготовление серебряных изделий являлось основным видом промысла этих аулов, исследователи отмечали, что **«эти селения напоминали громадные фабрики, где целые группы дворов представляют отдельные фракции труда, а из этих фракций распределенных между двумя селениями, выходили ежедневно сотни вполне отдельных винтовок»** (подчеркнуто мной. – Авт.) (*Маргграф О.В.*, 1882. С. 210).

Наряду со специализацией следует отметить и кооперацию с трудом других производителей. Это касается прежде всего кузнецов-оружейников, изготовивших великолепные, богато украшенные сабли. Отделка рукоятей, наверший, перекрытий, обкладок и наконечников ножен с применением серебра, золочения, черни, сложнейшего тиснения – все это требовало труда не только кузнеца, но и высококвалифицированного мастера – ювелира.

Говоря о межаульной кооперации производства изделий можно указать на селения Кубачи и Амузги. В процессе специализации производств по селениям клинковое дело выделялось и локализовалось в с. Амузги. По словам Е.М. Шиллинга, Амузги вместе с с. Кубачи представляли как бы единый производственный комбинат (*Шиллинг Е.М., 1949. С. 73*). Амузгинцы изготовляли клинки, кубачинцы ножны, последние наносили также украшения на ножны. Самым сложным процессом было изготовление кинжального клинка, который должен был пройти несколько стадий обработки.

Богатые экземпляры сабель являются продуктом именно такого кооперативного труда, по крайней мере, двух мастеров разных специальностей (не исключено, что ножны делались третьим мастером). Кооперирование имело место также в производстве седел и сбруй.

Неодинаковый уровень развития отдельных отраслей промыслов и ремесел порождал различные производственные отношения. Очень примитивные отношения сложились в ткацком промысле, где не сформировались типичная для феодализма профессиональная корпорация, отсутствовало ученичество, где применялся лишь женский труд, производилась совместная заготовка сырья и т.д. Благодаря чисто домашнему характеру ткацкого производства, ткачи и прядильщики большей частью работали дома, не составляя корпораций. То же самое следует сказать о производстве бурок. Этим промыслом в основном были заняты жители Андийского общества. Первой стадией в выделке бурок являлась мойка шерсти, за которой следовала сортировка шерсти по качеству и цвету. В этой работе участвовали все члены семьи. Третья стадия состояла в чесании высушенной и сортированной шерсти на ручной чесалке. Наконец, шерсть раскладывали тонким слоем на чистой лубяной цыновке и поливали теплой водой, после этого ее предварительно мяли руками, затем, скатав вместе с цыновкой, валяли и катали по полу или по земле. Приобретая необходимую форму, бурка переходила в руки скупщика, который занимался ее отделкой и украшением. Реализация бурок по существу стала монополией немногих скупщиков, которые закупая гуртом андийские бурки, отправляли их в Тифлис, в другие города Кавказа, а также в Иран, Турцию и другие страны.

В подобной совместной работе ряда семей следует видеть и своеобразную форму организации бурочного производства.

Интерес представляют зачатки объединений у гончаров. На изделия гончары наносили клейма, что говорит о существовании у них объединений, создававшихся для более продуктивного использования времени, печей и изготовления изделий. Известными центрами гончарного производства были Сулевкент, Балхар, Испик, Джули. Касаясь Сулевкента Е.М.Шиллинг писал, что «весь годовой распорядок издавна строго регламентирован» (*Шиллинг Е.М., 1949. С. 73*), а в Балхаре, как свидетельствует А.Омаров «каждый дом, и иногда несколько домов имели свой отдельный завод, где обжигали разного рода сосуды» (*Омаров А., 1869. С. 35*).

О зачатках объединений гончаров свидетельствует видимо и тот факт, что обжигом руководила мастерица, в селении их было всего пять-шесть человек, которые и регулировали как топку, так и время вынимания горшков из печи. Имело место, когда женщины из бедных семей или сироты работали по найму у более зажиточных. Оплата работы была сдельной. Среди мастериц одна являлась старшей, у которой обучались ученицы. Избирание старшей мастерицы не считалось пожизненным. Она должна быть хорошей мастерицей, уважаемой женщинами. И в этом можно усматривать начало какого-то объединения мастериц.

Зачатки объединений были и в области строительного дела. Строительство жилых, хозяйственных зданий – мечетей, минаретов, башен, мостов, оборонительных сооружений в условиях малоразвитой техники могло осуществляться при наличии довольно значительного количества рабочих рук, т.е. требовало объединение усилий группы лиц. Плотники, строители нанимались по договору на ту или иную постройку.

Надписи свидетельствуют о том, что у рутульцев были профессионалы – строители, бравшие подряды на постройку не только общественных зданий, но и частных домов (*Лавров Л.И., 1962. С. 113–114*).

«Уже в XI–XIII вв., – пишут Х.М.О. Хашаев и А.Р. Шихсаидов, – сложилась школа профессиональных мастеров – строителей (уста), поддерживавших связи с азербайджанскими архитектурными школами, а также резчиков по камню, владевших арабской грамотой» (*Хашаев Х.О., Шихсаидов А.Р., 1968. С. 188*). Согласно эпиграфическим данным в XV–XVI вв. даже минарет, не говоря о мечети, строили совместно два-три лица (*Шихсаидов А.Р., 1963. С. 132–133*).

Путем простой кооперации труда воздвигали колоссальные для дагестанских условий оборонительные сооружения, здания, фундаменты которых сохранились до наших дней.

Совместно работали и мастера по обработке дерева. Так, унцукульские мастера для удобства в работе, для ее усовершенствования – обычно в одной мастерской работали два – три кустика, одни изготавливали палки, другие более опытные, намечали узоры насечки. Для окончательной их шлифовки собирались соседи и общими усилиями заканчивали работу.

Кожевенное дело, широко распространенное в дагестанском ауле при ручной примитивной технике, также требовало от мастеров коллективной работы. В седельном производстве участвовали мастера следующих специальностей: арчаковского (деревянное изделие), шорного (ременные части) и металлического.

Ряд отмеченных отраслей промыслов и ремесел составляли семейную организацию. Под семейным сотрудничеством подразумевалось, когда семью составляли ближайшие родственники.

Говоря о семейном сотрудничестве в ремесленном производстве нельзя не вспомнить слова путешественника XIII в. ал-Гарнати, который касаясь занятий жителей с. Кубачи писал, что «все их жены и сыновья, и дочери, и рабы, и рабыни занимаются всеми этими ремеслами». То же самое с некоторыми лишь дополнениями о занятиях жителей с. Кубачи повторяют и авторы последующих веков. Следует полагать, что и в других ремесленных центрах в производстве изделий участвовали члены семьи.

Организации создавали и ремесленники-отходники. Многочисленные отряды кустикарей – отходников расходились в поисках заработка в соседние области, в города. Преобладающее количество отходников – это кустикари металлообрабатывающего промысла. В городах дагестанские отходники образовали торговые ряды металлических изделий по специальностям – это лудильщики, серебряники, мастера холодного оружия. Кустикари металлообрабатывающего промысла выезжая за пределы группировались в своего рода объединения, в состав которых кроме хозяина входили еще и ученики и подмастерье. Обычные условия найма последних таковы, что ученик отдавался на три года бесплатно, чтобы мастер-хозяин выучил его ремеслу; мастер же хозяин одевал, обувал и кормил ученика. По истечении срока, смотря по способностям мальчика, мастер вступал с его родителями в условия и с тех пор он становился подмастерьем.

Ремесленники – отходники делились на две категории: разъездных и стационарных. Вся жизнь ремесленников – отходников проходила в переездах с места на место. И они в большинстве уезжая осенью возвращались к началу весенних полевых работ.

Стационарные отходники устраивали свои мастерские в городах, в крупных селах. Мастера – отходники жили коллективами, которые представляли разветвленное различие по специализации всех видов ремесел. В городах избирался Совет старейшин в составе 4–5 человек для решения возникающих вопросов с представительством от нескольких объединений одного опытного, пользующегося уважением мастера. (Габиев Д.С., 1959. С. 10–11).

Насколько позволяют скудные данные источников и полевой историко-этнографический материал в дагестанском ауле в средние века не знали сколько-нибудь развитого института подмастерьев. В некоторых отраслях пройдя обучение ученик мог сразу заняться ремеслом самостоятельно, а не работать подмастерьем.

Однако имелись некоторые предпосылки для возникновения подмастерьев – это: во-первых, мастера затягивали срок ученичества, во-вторых, после прохождения ученического срока некоторые ученики с согласия мастера оставались у него. Существование немногих подмастерьев по отдельным отраслям в дагестанском ауле еще не является институтом.

Взаимоотношения мастера с подмастерьем и учеником регулировались по нормам обычного права. Обязанности мастеров, помощников и учеников были различные, мастера выполняли наиболее ответственную часть работы, а их помощники второстепенную, простую, но тяжелую и трудоемкую. Только после определенного времени пребывания в подмастерье, который за свою работу, в отличие от ученика, получал определенную плату, подмастерье открывал свою мастерскую.

Кроме мастера-уста, ученика-шагирд, в организации ремесленного производства большую роль играл глава мастеров – «уста-баши» особенно у мастеров-отходников. Персоязычный термин «уста-баши», характерный для ремесленных организаций XVIII–XIX вв., был в употреблении в Дагестане и в XVI–XVII вв. «Уста-баши» выдвигался из среды наиболее квалифицированных мастеров. Видимо, средневековые раисы выполняли функции «уста-баши».

Говоря об организации характера промыслов и ремесел в дагестанском ауле необходимо отметить и положение мастера: его обязанности по отношению к господствующему сословию. В социальном отношении они не представляли единого целого, различаясь в имущественном и правовом отношениях.

Во всем разнообразном производстве были заняты мастера разных категорий. Среди них особое место занимали свободные от феодальных владетелей ремесленники в джамаатах. Большинство их юридически было свободным. Кузнецы обслуживали текущие потребности жителей джамаата и находились на натуральном содержании общинников. Другую большую категорию составляли ремесленники в ханствах. Эта часть ремесленников фактически находилась в зависимости от феодала (*Магомедов Р.М.*, 1968. С. 141). Известная доля продукции Кубачей шла иногда как оброк или знак уважения тому правителю, в чьей зависимости состояли Кубачи. Часть мастеров обслуживала непосредственно нужды феодальных владетелей, как и прочие повинности продукцией своего ремесла. Феодальным владетелям они изготовляли орудия труда, необходимое оружие. Так, мастера шамхала Гирея изготовляли «пасары и сабли и луки». Несомненно, что мастера, изготовлявшие эти виды вооружения, жили и в аулах принадлежавших остальным феодальным владетелям. Ханы, беки, майсумы, уцмии широко применяли труд мастеров строительных специальностей – столяров, каменщиков.

Согласно данным приводимым Э.Челеби (XVII в.) в наиболее значительных населенных пунктах, в центрах феодальных владений строились крупные дома, мечети. Не указывая количества, Эвлия Челеби перечисляет названия ряда соборных и квартальных мечетей, медресе, мектебов, постоянных дворов, рынков, бань, харчевен, питейных заведений и других общественных мест. Тарки «из стари город бывал каменный» (*Кушева Е.Н.*, 1963.С.50).

Многие статьи норм обычного права дагестанских народов также свидетельствуют о зависимости мастеров от феодальных владетелей. Мастера платили и косвенные налоги. Они обязаны были отбывать личные повинности в пользу правителей. Очень обременительными для мастеров были принудительные работы по распоряжению владетелей (строительные работы, восстановление зданий, мостов, мечетей и т.д.). Каменотесы, плотники, столяры строительство этих объектов осуществляли в порядке выполнения трудовых повинностей. Постройка дворцов, зданий феодальных владетелей, башен, крепостей и других оборонительных сооружений о которых упоминают путешественники и архитектурные документы, производилась трудом каменщиков и других мастеров.

Если мастер служил феодальным владетелям своим ремеслом, он освобождался от других повинностей. Мастер освобождался от повинностей только за то время «пока занимался ремеслом».

Система трудовых повинностей наряду с натуральными налогами была формой обеспечения потребностей ханов, майсумов, уцмиев, шамхалов в необходимых изделиях и различного рода сооружениях в условиях натуральной экономики.

Рабочий день мастера, помощника и ученика не регламентировался, они работали в зависимости от наличия заказов и спроса на их изделия.

Продолжительность рабочего дня доходила весной и летом до 15–16 часов, а зимой в более короткие дни до 10–12 часов ежедневно.

Безусловно, различные мастера вырабатывали разнообразное количество изделий.

Изложенный материал подтверждает мнение о том, что характеру уровня развития тех или иных видов промыслов и ремесел соответствовали различные типы (формы) организации ремесленного производства. Особенности социально-экономического развития Дагестана наложили отпечаток и на характер организации промыслов и ремесел. Основными фигурами в организации ремесленного производства были мастер, ученик, в некоторых отраслях, подмастерье. По социально-экономическому положению мастера делились на ряд категорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Габиев Д.М.* Металлообработка у лаков. Автореф. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1959. –27 с.
- Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Наука, 1991. – 263с.
- Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана. М.: Наука, 2002. – 319с.
- Гасанов М.Р.* Крестьянские промыслы Дагестана // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 257–262.
- Гасанов М.Р.* Промыслы и ремесла Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. // Дагестан: перекресток цивилизаций. Махачкала, 2007. С. 243–351.
- Давудов О.М.* Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала: Институт истории языка и литературы, 1996. – 428 с.

- Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. 369 с.
- Лавров Л.И.* Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнографический сборник. Т. III. Труды Института этнографии. Т. XXIX. М.–Л., 1962. С. 51–58.
- Магомедов Р.М.* История Дагестана. Махачкала, 1968.
- Маммаев М.М.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. – 345 с.
- Марграф О.В.* Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. 288 с.
- Народные художественные промыслы и декоративно-прикладное искусство Дагестана (Информационно-справочное пособие). Махачкала, 2009. 337 с.
- Нахиунов И.Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. 156 с.
- Омаров А.* Воспоминания муталима // ССКГ. Отд. VI. Тифлис, 1869. С. 1–70.
- Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала, 1996. 316 с.
- Хашаев Х.-М., Шихсаидов А.Р.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа // Советская этнография. 1968. №1. С. 15–20.
- Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. М.–Л., 1949. 323 с.
- Шихсаидов А.Р.* Дагестан в X–XIV вв. Махачкала, 1975. 174 с.
- Шихсаидов А.Р.* Арабские строительные надписи Дагестана XI–XVIII вв. // УЗ ИИЯЛ. Т. XIII, серия историческая. Махачкала, 1964. С. 21–25.